

1897 г.

Православный Американский Вѣстникъ.

„Russian Orthodox American Messenger”

The „Messenger” will be bi - lingual - Russian and English. — It will be issued on the 13-th and - 27-th of each month.

Terms of Subscription:

One year.....На годъ.....\$3.00

Single numbers....Отдѣльные NN...15c.

Выходить 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца.

Entered at the New York Post Office
as Second Class Mail Matter.

— N 21 - й. — NEW YORK, — 323 SECOND AVENUE — 27 Юня — 13 —

Вліяніе добраго примѣра благочестивыхъ людей. (Притча).

Въ древніе годы жилъ одинъ святой человѣкъ. Святость его была такъ велика, что ей удивлялись даже ангелы и сходили нарочито съ неба, чтобы посмотреть, какъ, живя на землѣ, можно такъ уподобиться Богу. А онъ жилъ просто, распространяя вокругъ себя добро, какъ звѣзда распространяетъ свѣтъ, какъ цвѣтокъ распространяетъ аромат, самъ этого не замѣчая. Каждый день его жизни можно было бы опредѣлить двумя словами: онъ благодворилъ и про щаль. Никогда объ этомъ ни слова онъ не говорилъ, но это выражалось въ его улыбкѣ, въ его привѣтливости, добродушии и ежечасной благотворительности.

И сказали ангелы Богу: „Господи, даруй ему даръ чудесъ”!

— „Я согласенъ. Спросите у него, чего онъ хочетъ,” отвѣчалъ Господь.

И спросили ангелы святого: „желаешь ли ты прикосновеніемъ твоихъ рукъ подавать больнымъ здравье”?

— „Нѣтъ,” отвѣчалъ святой: „пусть лучше Самъ Господь творитъ это.”

— „Не желаешь ли ты имѣть такой даръ слова, силою котораго ты обращаешь бы грѣшниковъ на путь истины и добра”?

— „Нѣтъ, сказалъ святой, это дѣло ангеловъ, а не слабаго человѣка; я молюсь объ обращеніи грѣшниковъ, а не обращаю.”

— „Можетъ быть, ты хочешь сдѣлаться образцомъ терпѣнія, привлечь къ себѣ сіяніемъ добродѣтелей и этимъ прославлять Бога”?

— „Нѣтъ, сказала святой, — привлекая къ себѣ вниманіе другихъ, я тѣмъ буду отвлекать ихъ отъ Бога. У Господа же много другихъ средствъ къ прославленію Себя.”

— „Но чего же ты наконецъ хочешь?” спросили ангелы. Святой отвѣчалъ съ улыбкой: „чего мнѣ хотѣть? Да не лишитъ меня Господь милости Своей! Съ нею у меня будетъ все.”

Но ангелы продолжали настаивать: „все таки нужно, чтобы ты испросилъ себѣ даръ чудесъ, или мы дадимъ тебѣ его насильно.”

„Хорошо, отвѣтилъ святой, я хочу творить такъ, чтобы самому о томъ не вѣдать.”

Смущенные этой просьбой ангелы стали совѣтоваться между собой и остановились на томъ, чтобы тѣнь святого и позади и по сторонамъ его, не видимая имъ, имѣла даръ исцѣлять больныхъ, облегчать

скорби и утѣшать печали. Такъ и было.

Когда проходилъ святой, его тѣнь, отражаясь по сторонамъ и позади его, покрывала зеленью утоптанныя дороги, украшала цвѣтами увядшія растенія, возвращала чистую воду изсохшимъ ручьямъ, свѣжій цвѣтъ лица—блѣднымъ малюткамъ и тихую радость плачущимъ матерямъ.

А святой по прежнему просто проходилъ свою жизнь, распространяя вокругъ себя добро, какъ звѣзда испускаетъ свѣтъ, какъ цвѣтокъ—ароматъ, самъ этого не зная. И народъ, почитая его смиреніе, молча слѣдовалъ за нимъ, ничего не говоря ему о чудесахъ его, и, забывъ даже настоящее его имя, сталъ называть его „святою тѣнью.”

Если мы будемъ жить свято, то доброе назиданіе, подобно тѣни, повсюду будетъ слѣдовать за нами и вездѣ творить чудеса, о которыхъ мы узнаемъ только въ день суда. (Рук. для сельск. наст., N. 11, 1884 г., мартъ стр. 265—267).

ВОЗМОЖНА ЛИ ПРАВСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ БЕЗЪ ХРИСТІАНСКОЙ РЕЛИГІИ?

(По поводу «Критики догматическаго богословія»
Л. Н. Толстого).

—
(Продолженіе).

Авторъ при изложеніи догмата о Пресвятой Троицѣ кричитъ, что это безмысленно утверждать, будто три равняется единицѣ, а затѣмъ выписалъ слова богословскаго курса, показывающія, что тако-го равенства вовсе не утверждается. „Если бы христіанство учило, выписываетъ нашъ критикъ, изъ богословскаго курса: что Богъ и единъ по существу и троиченъ по существу, или — что въ немъ и три лица и одно лице, или еще — что лице и существо въ Богѣ тождественны: тогда точно было бы противорѣчіе. Но, повторяемъ,

IS A MORAL LIFE POSSIBLE OUTSIDE OF THE
CHRISTIAN RELIGION? *)

A Reply to Leo N. Tolstoy's „Criticism on Dogmatical Theology.”

(From the „Orthodox Interlocutor” of April 1894)

By the Archimandrite Antonius.

(Continuation).

In examining the dogma of the Most Holy Trinity, the author excitedly exclaims that it is absurd to assert that three is equal to one unit, then proceeds to copy passages from the Course of Theology which prove that this equation never was asserted: — „If,” he quotes, „Christianity taught that God is, in essence, both one and threefold, — or that in Him are both three persons and one person, — or again that person and essence are identical in God, there certainly would be contradiction. But, we repeat, this is not what Christianity teaches, and no one who does

христіанство учить не такъ, и тотъ, кто не смѣшиваетъ намѣренно христіанскихъ понятій о существѣ и лицахъ въ Богѣ, тотъ никогда не вздумаетъ искать внутренняго противорѣчія въ ученіе о Пресвятой Троицѣ. — Не смѣшиваетъ намѣренно. Да я всё силы ума напрягалъ, чтобы найти въ ученіи какое-либо различіе этихъ понятій о существѣ и лицахъ и не нашелъ. И писатель знаетъ, что его нѣтъ.

Чтобы назвать какую-либо мысль противорѣчающею здравому разуму и самой себѣ, надобно предварительно совершенно уразумѣть эту мысль, постигнуть значеніе ея подлежащаго и сказуемаго и видѣть ихъ несомѣстимость. Но по отношенію къ таинству Пресв. Троицы этимъ никто похвалиться не можетъ; мы знаемъ только, что такое природа или существо и что такое лицо между тварями; но не постигаемъ вполне ни существа, ни лица въ Богѣ, Который безконечно превосходитъ всё свои созданія. Слѣдовательно мы не въ состояніи судить: совмѣстимы или несомѣстимы понятія о Богѣ, единомъ по существу, и о Богѣ троичномъ въ лицахъ; не въ правѣ утверждать, будто мысль, что Богъ единый по существу, троиченъ въ лицахъ, заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Разумно ли судить о томъ, чего не постигаемъ?

Въ одномъ отдѣлѣ говорилось, что иное понятіе о существѣ, иное о лицахъ, что этому христіанство учить, но ученія этого нигдѣ нѣтъ; но положимъ, мы, не читая предшествовавшаго, не изучивъ всей книги, не убѣдившись, что такого различія нѣтъ, мы повѣримъ этому. Что же, въ настоящемъ отдѣлѣ говорится, что мы не можемъ, не имѣемъ права назвать мысль „противорѣчающею здравому смыслу, не постигнувъ значенія ея подлежащаго и сказуемаго.“ — Подлежаще — 1, сказуемое — 3 — это можно постигнуть. Если же подлежаще 1 Богъ, а сказуемое 3 Бога, то по

not intentionally confound the conceptions of essence and persons in God, will ever think of looking for internal contradiction in the doctrine of the Holy Trinity.’ Intentionally? Why, I used every mental effort to find in the doctrine some difference between these conceptions of essence and persons — and found none.“

In order to have the right of denouncing an idea as being in contradiction with common sense and with itself, it is necessary, in the first place, to comprehend it thoroughly, to grasp the meaning of its subject and become convinced of its inconsistency. But, as regards the mystery of the Most Holy Trinity, no one can boast of anything of the kind. We only know what nature or essence is among creatures, and what personality; but we cannot fully comprehend either essence or persons in God, Who infinitely surpasses all His creatures. Consequently we are not capable of judging whether the conceptions of a God one in essence and threefold in persons are or are not irreconcilable; we are not justified in asserting that this conception does or does not contain an internal contradiction. Is there any sense in judging of what we do not comprehend? „In one section it was said that the conception of essence is one thing, that of persons another; that this is what Christianity teaches, yet the teaching is nowhere to be found. But suppose that we, without having read the preceding pages, without having studied the entire book, without having gained the conviction that no such difference exists — believe this. Now, in the section we are examining, we are told that we cannot, have not the right to “denounce an idea as opposed to common sense unless we comprehend the sense of its subject and attribute. — Subject — 1, attribute — 3; that can be comprehended. But if the subject be 1 God, the attribute 3 Gods, the contradiction, according to the laws of logic, is the same. And

законамъ разума противорѣчіе то же самое. Если же по введеніи понятія Бога, единца можетъ сдѣлаться равна тремъ, то прежде чѣмъ будемъ неразумно судить о томъ, чего не постигаемъ, мы будемъ неразумно говорить то, чего не постигаемъ. А съ этого-то и начинается. И эти, по признанію богословія, неразумныя слова говорить высшій разумъ и великая благодать въ отвѣтъ на мольбы своихъ дѣтей, ищущихъ истины" („Критика догматическаго богословія," стр. 99-100).

Авторъ не находитъ разъясненія разницы между понятіями лица и естества единственно потому, что въ пылу гнѣва забылъ о томъ, что 12-ю страницами раньше выписалъ изъ догматическаго курса. „Между тварями, скажемъ словами Іоанна Дамаскина, общая природа недѣлимыхъ усматривается только разумомъ, потому что недѣлимые не существуютъ одно въ другомъ, но каждое особо и отдѣльно т. е. само по себѣ, и каждое имѣетъ много такого, чѣмъ отъ другого отличается. Они отдѣляются по мѣсту и времени, различны по расположеніямъ воли, по крѣпости, по внѣшнему виду или образу, по навыкамъ, по темпераменту, по достоинству, по роду жизни и по прочимъ отличительнымъ свойствамъ, а болѣе всего потому, что существуютъ не одно въ другомъ, но отдѣльно. Посему то говорится: два, три человѣка и многіе. Но въ святой, пресущественной, всепревосходящей, непостижимой Троицѣ видимъ иное. Здѣсь общность и единство усматриваются на самомъ дѣлѣ по совѣчности лицъ, по тождеству сущности, дѣйствованія и воли, по согласію опредѣленій, по тождеству, не говорю по подобію, но по тождеству власти, могущества, и благодати и по единому устремленію движенія. . . Каждая изъ ипостасей имѣетъ единство съ другою не меньше, какъ и сама съ собою: т. е. Отецъ, Сынъ и Духъ Святой во всѣхъ отношеніяхъ кромѣ нерож-

if, after introducing the idea of God, the unit can become equal to three, then, before judging irrationally of what we do not comprehend, we shall be talking irrationally that which we do not comprehend. And this is just what the author starts from. And these words, irrational on the theologians, own showing, spoken by the Supreme Wisdom and Supreme Goodness in answer to the prayers of that Power's children, who seek for truth" (pp. 99-100).

The author does not find the explanation of the difference between the conceptions of person and essence simply because, carried away by anger, he forgets what he himself copied out of the Course of Dogmatic Theology only twelve pages back:— „Among created beings, we will say in the words of John the Damascene, the common nature of individuals is perceived only by reason, because individuals do not exist one in the other, but each separately, by itself, and there are many things by which each is distinguished from all the others. They are separated in time and space, different in the manifestations of will, in strength, in looks and form, in habits, in temperament, in worth, in mode of life and other distinguishing properties, and most of all in that they exist not one in the other, but separately. Hence we say: two, three men, many men. But in the pre-existing, all-surpassing, inconceivable Trinity. we see something different Here the community and unity are perceived really and actualp from the co-eternity of the Persons, the identity of essence, action and will, the harmony of resolutions, the identity— I do not say similarity, but identity — of authority, power, goodness, and the single tendency of motion... Each of the hypostases or persons is as much one with the others as with itself: *i. e.* Father, Son and Holy Ghost, in all respects except the facts of being not born, of birth and procession, are one, separate only in

денности, рожденія и исхожденія суть одно, раздѣляются только въ умопредставленіи: Ибо единого знаемъ Бога, а только въ свойствахъ отчества, сыновства и исхожденія представляемъ различіе... Въ неограниченномъ божествѣ нельзя допустить, какъ въ насъ, ни мѣстнаго разстоянія, потому что въпостаси существуютъ одна въ другой, но такъ, что не слиты, а соединены, по слову Господа: Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ (Іоаннъ 34, 11); — ни различія воли, опредѣлений, дѣйствованія, силы, или чего другого, что въ насъ производитъ дѣйствительное и совершенное раздѣленіе. Посему Отца, Сына и Духа Св. признаемъ не тремя Богами, но единымъ Богомъ во Св. Троицѣ." (Тамъ же стр. 85—86).

Въ себѣ самихъ мы различаемъ свое „я," свою личность отъ свойствъ его природы, общихъ всемъ людямъ, или отъ естества. То же и въ Богѣ. Богъ единъ по существу, но троиченъ въ Лицахъ. Правительство едино по своей власти и законамъ, но множественно по своимъ представителямъ; семья едина по своей крѣпкой дружбѣ, но множественна въ своихъ членахъ; дерево одно въ своей растительной жизни, но разнообразно по своимъ листьямъ, вѣтвямъ, плодамъ. Гдѣ же тутъ прѣтворѣніе, гдѣ дикость, богохульство, которое вездѣ видѣется нашему критику. подобно тому, какъ кровь всегда чудится убійцѣ? Существо, общество, предметовъ и явленій единичныхъ по одной сторонѣ ихъ бытія и множественныхъ по другой — очень много.

Таинство Троицы затрудняетъ нашу мысль, т. е. не мысль, а нашу представляющую способность, именно тѣмъ, что единство Существа Божія сохраняется при троичности не силъ Божіихъ, не дѣйствій, а именно Лицъ, Личностей. Между тѣмъ въ мірѣ существъ ограниченныхъ личность съ другою личностью соединиться въ одно существо, такъ тѣсно, чтобы было именно

mental presentation. For we know of but one God, and only in the qualities of fathership, sonship and procession do imagine a difference... In the unbounded Godhead we cannot admit, as we do in ourselves, either the idea of distance in space, because the Persons exist one in the other, but so that there is not fusion but union, according to the word of our Lord. „I am in the Father, and the Father in Me" (John, 14, 11); — or the idea of difference in will, resolutions, action, power, or anything else that produces in us actual and complete separation. Therefore we recognize the Father, Son and Holy Ghost not as three Gods, but as One God, in the Holy Trinity," (pp. 85—86).

In our own selves we distinguish our „self," our personality, from the properties of its nature common, alike to all men, or from its essence. The same with God. God is one in essence, threefold in Persons. Government is one in authority and laws, and plural in its members. The family is one in the strong friendship which binds it, but plural in its members. The tree is one in its vegetable life, but manifold in its leaves, bough fruits. Where is the contradiction? Where the absurdity, the blasphemy, which our critic sees everywhere, as the murderer sees blood? The beings, communities, objects, phenomena, singular on one side of their being and plural on the other, are vety many.

The mystery of the Trinity embarrasses our mind — or rather our imaginative faculty — by this, that the unity of the Essence of God subsists together with the tripleness, not of His faculties or actions, but of His Persons. For in the world of finite beings one personality cannot unite with another into one being, so closely as really to become one being, not two: to this our immediate self-consciousness bears witness, to which „self" and „not-self" — „I" and „not I" — are radically different, nay opposite conceptions. The question obtrudes itself — how is it that our most

одно существо, а не два, не можетъ по свидѣтельству нашего непосредственнаго самосознанія, для котораго „я” и не „я” представляютъ собою нѣчто радикально противоположное. Спрашивается, какъ не догадался нашъ придирчивый критикъ уцѣпиться за это затрудненіе? Увы, здѣсь не простота, а лисій хвостъ пантеизма. Вѣдь его то божество сохраняетъ, или, точнѣе, обязано, вопреки логикѣ, сохранять свое единство, не смотря на то, что въ немъ не три лица, а безчисленное множество ихъ, ибо и я, и самъ Л. Н. и мои читатели, всякій порознь и всѣ вмѣстѣ суть тотъ-же богъ, но всеже богъ этотъ одинъ, а не нѣсколько. Тутъ опять выходитъ: *quod licet Jovi, not licet bovi*: для Л. Н. Толстого дозволено говорить о многоличномъ, но единомъ Богѣ, а о православной Троицѣ не смѣи заикаться. Впрочемъ, здѣсь Юпитеръ нашъ вдвойнѣ не правъ: во первыхъ, потому, что онъ сердится, а во вторыхъ потому, что если многоличное, но безличное божество пантеистовъ остается безсмыслицей, то наше единое Божество, имѣющее три Лица, становится источникомъ всякаго разума для тѣхъ, которые вникнуть въ это ученіе о Троицѣ.

Правда, личность и личность суть противоположности, которыя нельзя объединить въ одно существо, но это лишь до тѣхъ поръ, пока мы будемъ имѣть въ виду личности людей, личности, исполненныя себялюбія и борьбы, а личности Божескія суть святія и единомысленныя. Спаситель насъ удостовѣряетъ, что по мѣрѣ того, какъ Его послѣдователи будутъ освобождаться отъ естественнаго себялюбія, то и они будутъ сливаться въ одно существо, въ новаго Адама, по подобію Св. Троицы, по подобію единосуція Отца и Сына. Да будутъ они едино: якоже Ты Отче во мнѣ и азъ въ Тебѣ, да и ти въ насъ едино будутъ. Учителю своему вто-

particular critic failed to point out this difficulty? Alas, it was not from simple-mindedness, but from the Pantheist's cunning. His Deity remains one, or rather is bound in spite of logic, to remain one, notwithstanding that it contains not three persons, but an infinite number of persons, since I, and you, and he, L. N. Tolstoy himself, each separately and all together, are that same deity, and yet it still is one, not many. Here again *quod licet Jovi, not licet bovi*: L. N. Tolstoy is welcome to discourse about the poly-personal God, who yet is one, but we are not to open our lips on the subject of the Orthodox Trinity. But our Jove is doubly wrong in this case: in the first place because he gets angry; in the second place because, if the poly-personal yet impersonal deity of the Pantheists is and remains an absurdity, our one Godhead in three Persons becomes the fountain-head of all reason to those who enter thoroughly into this doctrine of the Trinity.

True, person and person are contraries which it appears impossible to unite into one being, but only so long as we shall be thinking of human persons, persons filled with the love of self and the spirit of strife; but the Divine Persons are holy and of one mind. The Savior assures us that, in proportion as His followers become free from the natural love of self, they will become merged into one being — the new Adam, in the likeness of the Holy Trinity, of the co-existence of the Father and Son: „That they may all be one; as Thou, Father art in Me, and I am in Thee, that they also may be one in Us.” (John 17, 21). The Apostle Paul follows the Master's saying when he assures us (Ephes. 2, 15,) that some day all who shall have believed, Jews and Hellenes alike, shall make twain one new man, without forfeiting the properties of their own personalities.

Nature herself now and then shows us

рить апостоль Павель, увѣряя насъ, (Ефес. 2, 15), что нѣкогда всѣ увѣровавшіе — иудеи и еллины составляютъ одного новаго чело-вѣка, не теряя свойствъ своихъ личностей.

Природа намъ показываетъ нѣсколько явленій единства жизни въ нѣсколькихъ лицахъ, — отчасти приближающаго насъ къ этимъ упованіямъ, въ матеряхъ, въ супружествахъ, въ нравственныхъ герояхъ. А нравственная наука убѣждаетъ насъ, что безъ такого конечнаго идеала, въ которомъ бы совмѣщалось единство жизни съ множественностью свободныхъ личностей, мораль будетъ колебаться между бездушнымъ формальнымъ номизмомъ или пассивнымъ евдемонистическимъ пантеизмомъ, какъ это мы показали въ другомъ сочиненіи *)

Увы, нашъ авторъ далекъ отъ признанія нравственнаго превосходства христіанскихъ идей надъ своими. Совсѣмъ напротивъ, онъ упорно старается вновь завинить Церковь въ томъ, что она и догматы то свои составила единственно для того, чтобы отвлечь людей отъ исполненія евангельскихъ заповѣдей и сосредоточить ихъ вниманіе на догматической мистикѣ и на культѣ. Въ частности, для этой будто бы цѣли придумано ученіе о паденіи перваго чело-вѣка. Онъ пишетъ „Вопросы вѣры всегда были и будутъ о томъ, что такое моя жизнь съ тою вѣчною борьбою между зломъ и добромъ, которую испытываетъ каждый чело-вѣкъ? Какъ мнѣ вести эту борьбу, какъ мнѣ жить? — Ученіе же Церкви на мѣсто этого вопроса, какъ мнѣ жить, подставляетъ вопросъ о томъ, отчего я дурень, и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ тѣмъ, что ты дурень потому, что такимъ ты сталъ отъ грѣха Адама, что ты весь въ грѣхѣ, и родинься въ грѣхѣ, и всегда живешь въ грѣхѣ, и не можешь жить безъ грѣха” („Критика догм. богословія”

*) См. «Нравственная идея догмата II Троицы.» Богосл. Вѣст. 1892 г. ноябрь.

such instances of unity of life in several persons as bring these conceptions home to us — in mothers, in wedded couples, in moral heroes. And ethical science convinces us that without such a supreme ideal in which unity of life appears consistently with plurality of free personalities, morals must always vacillate between soulless formalism and passive eudaemonistic pantheism, as we indicated in another work. *)

Our author, alas, is far from recognizing the moral superiority of Christian ideas over his own. Quite the contrary — he persistently strives to convict the Church of having composed her dogmas with the single object of diverting men from the observance of the Gospel commandments and concentrating their attention on dogmatical mysticism and on rites. Going into particulars, he points to the doctrine of the fall of the first man as being invented specially for that purpose. He writes: — „The questions we put to faith always did and always will bear on such problems as this: what is my life, with the everlasting struggle between good and evil to which every man is doomed? How am I to carry on the struggle, how to live? The Church, however, for this question ‘How am I to live?’ substitutes another: ‘Why am I bad?’ and answers it by telling us that I am bad because Adam’s sin made me so, that I am all steeped in sin, was born in sin, always live in sin, and cannot live sinless” (p. 141).

It seems to us that herein is contained the beginning of the reply to the question set propounded by the author, especially if that question is to be enlarged in the sense in which it becomes the theme of „Anna Karenin” and of „The Power of Darkness,” the sense in which the author directly propounds it in his published letter to Engelhardt: — „Why do I remain bad although I wish to be good? Why am

*) „The Ethical Idea of the Dogma of the Holy Trinity,” *Theological Messenger*, November 1892.

стр. 141).

Намъ представляется, что именно это и служить началомъ отвѣта на поставленный авторомъ вопросъ, особенно если этотъ вопросъ распространить въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ является темой для „Анны Карениной” и для „Власти тьмы,” въ томъ смыслѣ, въ какомъ прямо предлагаетъ его авторъ въ своемъ опубликованномъ письмѣ къ Энгельгардту: почему я остаюсь худымъ, хотя желаю быть хорошимъ? почему мнѣ суждены лишь порывы благіе, а свершить ничего не дано? долженъ ли я мириться съ порочными инстинктами своей природы, какъ тому меня учили эволюція и пантеизмъ, или бороться съ нимъ во что бы то ни стало, какъ съ заразой, отивъ ко мнѣ приставшей? Въ послѣднемъ смыслѣ отвѣтъ дается только ученіемъ о паденіи и первородномъ грѣхѣ. Этимъ ученіемъ Церковь удерживаетъ насъ отъ примиренія съ порокомъ вопреки свободному отношенію къ нему нецерковной европейской культуры, узаконившей развратъ, мечь, самолюбіе, корысть, борьбу за существованіе. Ученіемъ о паденіи Церковь не ослабляетъ воли, но напротивъ удерживаетъ отъ отчаянія борцовъ противъ грѣха, прибавляя къ ихъ естественнымъ силамъ еще благодатныя силы вѣры.

Но не такой смыслъ хочетъ придать христіанской истинѣ Толстой. „Хорошо ли бы работники работали, если бы имъ было извѣстно, говорить Толстой, что они все дурные работники, еслибы имъ внушали, что они никакъ не могутъ сработать вполне хорошо, что такова ихъ природа, и что, для того, чтобы сдѣлать работу, есть другія средства, кромѣ ихъ труда. А это самое дѣлаетъ Церковь. — Вы все исполнены грѣха, ваши стремленія ко злу не отъ вашей воли, а по наслѣдству. Спаситесь своими силами человекъ не можетъ. Есть одно средство: молитва, таинства и благодать. Можетъ ли быть изобрѣтено другое,

I fated to have only good impulses, and why is it not given me to achieve anything? Ought I to become reconciled to the vicious instincts of my nature, as evolution and Pantheism taught me, or should I combat them at all costs as I would combat an infection caught from outside?” These questions are answered in the latter sense only by the doctrine of the Fall and original sin. By this doctrine the Church restrains us from becoming reconciled to vice, in spite of the free attitude assumed towards it by the European culture which, being developed outside of the Church, legalizes profligacy, revenge, egotism, self-interest, the struggle for existence. The Church, by its doctrine of the Fall, does not weaken the will, but on the contrary, saves from despair the champions in the fight against sin, reinforcing their own natural strength with the added strength of faith and grace.

But this is not the sense which Tolstoy finds in the Christian truth: — „What good work laborers would produce,” he sneeringly exclaims, who know that they were bad workmen, who were continually told that they could not possibly do any really good work, because it was not in their nature, and that there were other means than their labor to get the work done! And yet this is exactly how the Church proceeds. ‘You are’ she tells us, ‘filled to the brim’ with sin; your tendency to evil does not depend on your will — it is hereditary. Man cannot possibly save himself by his own efforts. There is one way, and one only: prayer, the Sacraments and Grace. Could any more immoral teaching be invented? Then follows the moral application of the dogma — the only one that can be made of such a dogma: salvation is to be sought outside of man’s own striving for good. But the writer, as usual, does not feel bound by any logical sequence of thought, and crowds into the paragraph which treats of the moral applica-

болѣе безнравственное ученіе? За этимъ слѣдуетъ нравственное приложеніе догмата. Нравственно приложеніе изъ этого догмата возможно только одно: искать спасенія внѣ своего стремленія къ добру. Но писатель, какъ и всегда, не чувствуя себя связаннымъ логическимъ ходомъ мыслей, подбираетъ въ параграфѣ нравственнаго приложенія все, что ему приходитъ въ голову и имѣетъ какую-нибудь словесную, внѣшнюю связь съ предшествующимъ” („Крит. догм. богословія,“ стр. 142).

Впрочемъ, разгнѣванный критикъ забываетъ скоро о своемъ, совершенно несправедливомъ выводѣ, желая подставить новую каверзу Церкви на слѣдующей страницѣ, и въ пылу полемическаго жара не замѣчаетъ, что самъ упалъ въ яму, которую началъ рыть для Церкви. Онъ перечисляетъ нравственныя приложенія догмата по курсу митр. Макарія. „Грѣхъ прародителей, со всѣми своими послѣдствіями, читаемъ мы у Толстого, перешелъ и на весь родъ человѣческой, такъ что всѣ мы зачинаемся и рождаемся въ беззаконіи, немощными по душѣ и по тѣлу и виновные предъ Богомъ. Да послужитъ это намъ живымъ неумолкающимъ урокомъ къ смиренію и сознанію собственныхъ слабостей и недостатковъ и вмѣстѣ да научитъ... думаешь, что будетъ сказано: стараться быть лучшимъ; нѣтъ“ (тамъ же, стр. 143).

Итакъ, всетаки самая логика догмата велитъ дѣлаться лучшимъ, значить, догматъ небезнравственный? Но автору хочется еще разъ покощунствовать и онъ со злорадствомъ приводитъ заключительныя слова м. Макарія, какъ бы разрушающія логику догмата: „да научитъ насъ просить себѣ благодатной помощи Господа Бога и съ благодарностью пользоваться средствами ко спасенію, дарованными намъ въ христіанствѣ“ (ibidem). Но намъ кажется, что этотъ выводъ не только не противоположенъ подсказанному

tion of the dogma, anything that comes into his head, and has any verbal, external connection with what precedes.” (p. 142).

Soon, however, our wrathful critic forgets all about the conclusion (utterly incorrect), at which he had arrived, and proceeds, on the very next page, to set a new trap for the Church, into which, carried away by the heat of polemical argument, he stumbles himself, and never notices it. He enumerates the moral applications of the dogma, following the „Course” of the Metropolitan Macarius: — „The sin of our first parents, with all its consequences,” we read in Tolstoy, „has descended on the entire human race, so that we are all conceived and born in iniquity, infirm in body and soul, and guilty before God. Let that serve us as a leeving, unceasing lesson to teach us humility and the consciousness of our weaknesses and faults, and let it teach us at the same time... ‘to become better’ is what you expect; but no...” (p. 143).

Then, if the intrinsic logic of the dogma bids us become better, the dogma is not so immoral after all? But the author is bent on blaspheming, and he quotes the concluding words of the sentence with an evil joy, as *destructive of the dogma’s logic*: — „let it teach us to pray to the Lord for the assistance of His grace, and thankfully to seize on the means of salvation given held out to us in Christianity.” But it seems to us that not only is this conclusion not opposed to that suggested by the author, but the latter is conditional on the former and *vice-versa*: *i. e.* only if we strive to become better will we pray to God for His grace, to help deliver us from sin; and only those among us will become better who, to the wish and the effort, add prayer and hope in the help of God. Those laborers only will work zealously and rationally who know that they, with their half spent strength, cannot mow down a meadow in half an hour, but must labor all day; that it would be

авторомъ, но послѣдній лишь только и возможенъ подь условіемъ перваго и обратно: только тогда мы и будемъ просить у Бога благодатной помощи къ избавленію отъ грѣха, если будемъ стараться быть лучшими. Только тѣ изъ насъ будутъ лучшими, кто къ доброму желанію и усиліямъ присоединитъ молитву и надежду на помощь Божію. Только тѣ работники и будутъ усердно и разумно работать, которые будутъ знать, что имъ съ ихъ надломленными силами не скосятъ поля въ полчаса, а надо работать весь день, что нечего пренебрегать разумно устроенными и предложенными хозяиномъ орудіями, а рвать траву голыми, окровавленными руками, ибо иначе изрѣжешь руки въ три минуты и всякую работу бросишь, какъ бросаютъ всякую нравственную самодѣятельность всѣ невѣрующіе — моралисты, тогда какъ подвижники добродѣтели, воспитанные на догматахъ вѣры, достигли такого величія духа, о какомъ и помыслить не смѣютъ сыны маловѣрующей современности. Толстой не хочетъ знать ихъ, но если онъ замуриваетъ, подобно раскольнику, глаза свои предъ исторіей Церкви, то пусть откроетъ ихъ предъ современной поэзіей. Или не знаетъ онъ о воспѣтомъ ею высококомъ нравственномъ геройствѣ того же Іоанна Дамаскина, богословіе котораго онъ называетъ безнравственнымъ? или забылъ онъ, что не только въ дѣйствительной жизни, но и въ богатомъ воображеніи поэтовъ — Пушкина, Достоевскаго, Тургенева, Виктора Гюго, Поля Бурже, наконецъ, самаго же его, Л. Н. Толстого только люди вѣрующіе въ живого Бога, во Христа, во святыхъ, въ Церковь были добродѣтельны не на словахъ, а на дѣлѣ? Невѣрующіе могутъ показать намъ отдѣльные геройскіе поступки, но не покажутъ никогда добродѣтельной жизни. Лучшее, чѣмъ могутъ они похвалиться, это нравственное благоприличіе, но нѣтъ у нихъ и

foolish to despise the well-made tools which the master offers and to pull the grass with bare hands, because they would in that way cut their hands bloody in three minutes and quit work — which is just what all infidel moralists do when they tackle a moral task, while the champions of virtue, bred on the dogmas of faith, attain such spiritual greatness as the children of modern infidel culture dare not dream of. Tolstoy will not hear of them: but if he, like the Dissenters, closes his eyes tight against the history of the Church, let him open them at least to modern poetry. Or does he not know of the high moral heroism, of which modern poets have sung, of that same John the Damascene, whose theology he proclaims immoral? or has he forgotten that not in real life alone, but in the teeming fancies of poets Pushkin's, Dostoyefsky's, Tourgenief's, Victor Hugo's, Paul Bourget's and, last but not least, in his own, L. N. Tolstoy's — those men alone were virtuous not merely in words, but in deeds, who believed in the living God, in Christ, in the Saints, in the Church? Unbelievers may show us solitary instances of heroic action, but never a consistently virtuous life. The best that they can boast is moral decency, but they have not and never will have that „spirit of chastity, humility, long-suffering and charity” which the Church abounds.

True, even as a spring choked in its course still flows on in a thin thread between its bared banks, so an unbelieving community, after rejecting the truths of the Christian religion, does not at once venture to throw off all moral habits imparted by it; the poisonous cup it has raised to its lips will not be drained for some time yet; besides, it is encouraged to follow at least some moral rules by the thought that it will be compelled else to acknowledge, absolutely and unconditionally, the pre-eminence of Christianity over the godless ways of modern life,

никогда не будетъ того „духа цѣломудрія, смѣренномудрія, терпѣнія и любви,“ которыми богата Церковь.

Правда, подобно тому, какъ запруженный источникъ нѣкоторое время еще сочится среди обнажившихся береговъ, такъ и невѣрующее общество, отвергнувъ истины христіанской религіи, но не рѣшаясь отстать отъ нѣкоторыхъ внушенныхъ ею нравственныхъ привычекъ, не такъ еще скоро допьетъ чашу своего нравственнаго опьяненія; притомъ оно еще подбодряетъ себя въ слѣдованіи хотя бы нѣсколькимъ нравственнымъ правиламъ мыслью о томъ, что иначе вѣдь придется ужъ совершенно неотразимо признать превосходство христіанства надъ безбожнымъ обычаемъ современности, придется обнажить свою порочную совѣсть, которую пока можно усыплять если не дѣлами, то словами о гуманности, честности и равенствѣ. Но вѣ эти мншурныя подмостки современной дешевой морали рунатся при дальнѣйшемъ забвеніи религіи и Церкви, рунатся по мѣрѣ того, какъ число невѣрующихъ возрастаетъ, а вѣрующіе въ столицныхъ городахъ Европы перестаютъ напоминать о себѣ. Такъ нѣкогда пало нравственное одушевленіе протестантовъ и смѣнилось житейскимъ матеріализмомъ, лишь только освободилось отъ борьбы съ католичествомъ и отъ стремленія доказать ему возможность христіанской добродѣтели безъ церковныхъ преданій. Такъ еще быстрѣе падаетъ и тотъ субстигутъ морали, который стараются поддержать невѣрующіе. Борьба за существованіе, право наибольшихъ наслажденій для сильнѣйшихъ, „культъ сатаны“ и отчаянный, содомскій развратъ — вотъ чѣмъ дышетъ невѣрующая Европа и начинаютъ дышать невѣрующіе элементы Россіи по краснорѣчивому и правдивому описанію автора „Крейцеровой Сонаты“ и „Плодовъ Просвѣщенія.“ Но чтобы въ заключеніе поближе всмотрѣть-

to lay bare its vitiated conscience, which so far, can be hushed to sleep if not with deeds, at least with words telling of humaneness, honesty and equality. But all these rotten stays of cheap modern morality will collapse after Church and religion, neglected have been a while longer will collapse as the number of unbelievers increases and believers cease to give any signs of life in the capitals of Europe. Thus it was that the Protestants' enthusiasm fell and made room for worldly materialism the moment they were delivered from the struggle with Catholicism and from the efforts to prove the possibility of Christian virtue without church traditions. Thus, and still more rapidly, is falling before our eyes the substitute for Christian morality which the unbelievers are striving hard to keep up. The struggle for existence, the right of the stronger to the greater amount of enjoyment, the „cult of Satan,“ and desperate, Sodomitic corruption — this is the air which infidel Europe breathes and which the unbelieving elements of Russia are beginning to breathe, as shown in the eloquent and truthful presentations of the author of „Kreuzer Sonata“ and „The Fruits of Enlightenment.“ But, in order to look more closely, in conclusion, into the indissoluble connection existing between virtue and the main truths of our faith, we will leave our author and his malignant, but powerless, „Criticism of Dogmatical Theology,“ and glance at the calmer attempts at building up and fortifying virtue on a basis outside of religion — a task which, as we have seen, is occupying the minds of many of our contemporaries. The results of their labors have been grouped together by the famous French rationalistic philosopher, Fouillie in his „Exposition and Criticism of Modern Systems of Ethics.“

(To be continued).

ся въ неразрывную связь добродѣтели съ важнѣйшими истинами вѣры, оставимъ нашего автора и его злобную, но безсилную „Критику догматическаго богословія,“ а бросимъ взглядъ на болѣе спокойныя попытки обосновать и утвердить добродѣтель внѣ религіи, надъ чѣмъ, какъ мы видѣли, работаютъ многіе умы современности. Плоды трудовъ ихъ сгруппированы знаменитымъ французскимъ философомъ-раціоналистомъ Фуллье въ его „Изложеніи и критикѣ современныхъ системъ морали.“

(Продолженіе слѣдуетъ.)

SPIRITUAL LIFE.

From the Essays of C. P. Pobiedonostsef,

Published in Moscow under the title of

MOSCOVSKOY SBORNIK „MOSCOW COLLECTION.“

We are told that the ancients used to place a skeleton at their magnificent feasts, that the feasters might be reminded of death. We have no such custom: when we eat and drink and make merry, we are anxious to cast the thought of death as far away as possible. Yet Death itself stands behind every one of us, and the dread specter is ready to spring up and face us at any moment.

Each day brings us the tidings of suicides, that happen now here, now there, incomprehensible, unexplained, threatening to become a permanent, everyday feature of our social life... Frightful thought — is it possible we shall ever grow used to it? When have we ever known a time when human life was made so little of, when such indifference was felt to the fate of the human soul, created after the image of God, redeemed by the blood of Christ? The rich and poor, the learned and the illiterate; the old and decrepit, the youth who is just starting to live and the child who has hardly yet learned to stand on its feet — all, all alike take their own lives with an inconceivable, insane levity; only one does the deed simply, while another poses in his last hour.

Why is this? — Because our life has grown to be monstrously unnatural, senseless and full of shams and lies; because order and consistency have entirely vanished from our development; because there is among us a total relaxation of all discipline in thought, feeling and morals. In our social and domestic life all the simple, organic relations have become unsettled and distorted, as *institutions* and *abstract principles*, mostly false, or wrongly adapted to the realities of life, are being substituted for them. The simple needs of our spiritual and bodily nature have given place to a number of artificial

ones, simple feelings to complicated ones, which seduce and unnerve the soul. Selfish instincts, which formerly grew up evenly, in strict accordance with people's environment and conditions of life, now shoot up all of a sudden, to the whole giddy height of the human „ego,“ uncurbed by any discipline, and at once set up the unlimited claims of the individual *ego* to life, liberty, happiness; to the mastery over fate and circumstances. Men's intellects, — the strong and the weak, the high and the low, the great and the small — all alike, having lost the ability to realize their own ignorance, the ability to learn (which means *submitting to the laws of life*), rose at once bound to a supposed height, from which each individual, whether great or small, imagines himself fit to judge life and the universe.

Thus it is that we have in our community an incalculable accumulation of falsehood, a taint of untruth which pervades all human relations and makes the whole moral atmosphere pestiferous, also the sphere in which we move, the very thought by which we direct our will. Breathing, as we do, nothing but untruth, what can we expect but stunted existences, stunted action? Our very ideas of life and its aims become perverted, all human relations get tangled up, and life loses that balance which is indispensable for man's normal development and action. Is it to be wondered at that there should be many who cannot stand such a life and finally lose the equilibrium between the moral and intellectual forces which is one of the conditions of life? A crystal vessel, if heated gradually and evenly, can stand a high temperature, heated unevenly and abruptly, it breaks. Does not the same thing happen to those unfortunate suicides of whom we hear every day? Some perish from the inner falseness of their ideas on life, when, at their first encounter with its realities, these ideas — or rather fancies — are shattered to pieces: the luckless man who knows of no support outside of his own *ego*, who, outside of that same *ego*, has no moral principle to help him in his struggle with life, flies from the struggle and destroys himself. Others perish because they have not the strength to reconcile their ideal — possibly a lofty one — of life and action with the falseness of their environment, with the untruth which pervades men and institutions, both men and institutions all shames! Having lost faith in things they had believed in, but which had proved fallacies and delusions, and not being provided with any other kind of positive faith they lose their balance and run away from the battle... And how many there are, who have been ruined by sudden and immoderate elevation by — *authority*, which they thoughtlessly longed for, which they attained — and which proved beyond their powers! Our time is a time of fictitious, imaginary, artificial values and quantities, with which men mutually, if often involuntarily, deceive one another. Things have gone so far, that real merit finds great difficulty in manifesting and asserting itself, because only inflated, shining currency is accepted in Vanity Fair. At such epochs men are apt to take hold of anything, in the vain belief that nothing is beyond them, and if endowed with a certain knack, they do succeed in reaching, without great effort, a station

that carries authority with it. Such a station is attractive to human vanity, it is associated with ideas of honours, of a privileged position, of a right to distribute honours and to create other authorities out of nothing. But, whatever be the human conception of authority, the moral principle thereof is one, immutable: „Whoso wishes to be first, must be the servant of all.” If all thought of this, who would be willing to shoulder such an intolerable burden? Yet all are ready and willing to go in for power — and this *burden of power* has crushed and ruined many; for this question of power has come to be exceeding complicated and tangled in these latter days, more especially in our own country. And how numerous are those before whom power, lightly assumed, lightly imposed, stands up like a fateful sphinx and propounds its riddles! Whoever finds not the solution — is lost.

ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ Уналашкинскаго Вознесенскаго прихода.

Священника Александра Кедровскаго.

Названіе Селеній.

Въ с. Иллилюкскомъ при церкви, алеутовъ м. п. 83, ж. п. 69, всего 152, креоловъ н. и 72 ж. п. 65, всего 137, духовныхъ м. п. 9, ж. п. 12, всего 21, итого м. п. 164, ж. п. 146 всего 310. Сверхъ православныхъ жителей въ селеніи Иллилюкъ есть еще инославныхъ (протестантскихъ разныхъ сектъ) до 40 человекъ, преимущественно все мужчины (женщины инославныхъ три четыре только),

Борькинское селеніе

въ 30 миляхъ отъ церкви къ востоку, на о. Борькъ, съ часовней во имя Св. Николая Чудотворца, довольно благоустроенной, — сообщеніе чрезъ горы пѣшеходомъ и на байдаркѣ — чрезъ проливъ (2-3 часа ѣзды), алеуты жители: м. п. 22; 29 ж. п., всего 51.

Акутаиское селеніе

въ 60 миляхъ, на сѣверъ отъ Ц., на о. Акутаѣ, съ часовней во имя св. Благов. Князя

Александра Невскаго, довольно благоустроенной, сообщеніе около берега о. Уналашки и чрезъ проливъ на байдаркѣ, — креоловъ 1 м. п., 3 ж. п., всего 4, алеутовъ м. п. 31, ж. п. 39, всего 70, — инославной 1 м. п.,

Макушинское селеніе

въ 35 миляхъ, на юго-западъ отъ Ц. на о. Уналашкѣ, съ часовней въ честь Рождества Христова, довольно благоустроенной, сообщеніе чрезъ высокія горы (Макушинская гора съ сойкой) пѣшеходомъ и чрезъ проливъ на байдаркѣ; креоловъ м. и. 19, ж. и. 18, всего 37, алеутовъ м. п. 12, ж. п. 11, всего 23.

Кашишичское селеніе

въ 60 миляхъ, на юго-западъ отъ церкви и Макушинскаго селенія, на о. Уналашкѣ, съ часовней въ честь Преображенія Господня — довольно благоустроенной; сообщеніе отъ Макушъ на байдаркѣ около берега въ открытомъ морѣ, — алеутовъ м. п. 25, ж. п. 28, всего 53.

Черновское селеніе

на юго-западъ отъ церкви, Макушъ и Кашичи, на о. Уналашкѣ — въ 85 миляхъ, съ часовней въ честь Богоявленія Господня довольно благоустроенной, сообщеніе отъ Кашичи на байдаркѣ около берега въ открытомъ морѣ, — креоловъ м. п. 2, ж. п. 3, алеутовъ м. п. 31, ж. п. 28, всего 59.

Саннахское селеніе

въ 160 миляхъ, на сѣверо-востокъ отъ Ц. на о. Санахѣ, съ часовней — во славу Вознесенія Господня, довольно благоустроенной, но безъ иконостаса (всѣ прочія часовни въ Уналашкинскомъ приходѣ съ иконостасами), сообщеніе на шкунахъ А. Т. Ко. съ немалыми затрудненіями и неудобствами, — креоловъ м. п. 11, ж. п. 17, всего 28 алеутовъ, 31 28, всего 59, инославныхъ человекъ 10 м. п.

Умнакское селеніе

въ 160 миляхъ на сѣверо-западъ отъ Ц.

на о Уналашкѣ, съ часовней во имя св. Николая Чудотворца—весьма благоустроенной, сообщеніе на шкунѣ А. Т. Ко., креоловъ м. п. 18, ж. п. 8, алеутовъ м. п. 41, ж. п. 38.

Назанское селеніе

въ 450 м. на юго-западъ отъ Ц., на о. Атхѣ, съ часовней въ честь св. Николая Чудотворца—довольно благоустроенной; при сей часовни проживаетъ замѣчательный миссіонеръ Нушагакской миссіи о. Василій Шишкинъ *) съ 1893 г.; сообщеніе дважды въ годъ на шкунѣ А. Т. Ко. (Май мѣсяцъ и Сентябрь), духовныхъ м. п. 1, креоловъ 11-9, алеутовъ 46-63.

Аштовское селеніе

въ 850 миляхъ отъ Ц., на о. Ашту, съ часовней въ честь Успенія Пр. Богородицы—весьма убогой,—сообщеніе одинъ разъ въ годъ (Май мѣсяцъ) на шкунѣ А. Т. Ко., креоловъ 12-10, алеутовъ 28-32.

При всѣхъ часовняхъ, кромѣ Кашишиской, есть школы грамоты (предметы обученія: Законъ Божій, чтеніе и письмо русское, славянское и алеутское).

Территорія Уналашкинскаго прихода первоначально была гораздо большая, — въ составъ его входили: нынѣ Бѣльковский, Петро-Павловскій,—на о. св. Павла, св. Георгіевскій, на о. св. Георгія и даже Нушагакскій. Петро-Павловскій на о. св. Павла, приходъ числился въ Уналашкинскомъ приходѣ до 1879 года, св. Георгіевскій—до 1880, Бѣльковский тоже Нушагак-

*) Въ селеніи Назанъ, на о. Атхѣ, при часовнѣ, съ 1826 г. до 40 годовъ былъ помощникъ Уналашкинскаго священника, священникъ о. Іаковъ Нецвѣтовъ, — послѣ о. Нецвѣтова — свящ. Лаврентій Саламатовъ, послѣ о. Саламатова до 1880 года при сей часовнѣ священника не было,—съ 1880 года по 1884 г. священникъ о. Петръ Добровольскій, съ 1884 г. по 1893 г. священника не было, и съ 1893 года по сіе время священникъ о. Василій Шишкинъ.

скій приходъ посѣщали священники Уналашкинскіе до 40 годовъ, когда туда назначенъ былъ миссіонеръ о. Ілія Петелинъ. Въ настоящее же время нашъ приходъ составляютъ 10 селеній, отмѣченныхъ выше.

Внутренній очеркъ прихода.

Уналашкинскій Вознесенскій приходъ началъ свое официальное, въ Иркутской тогда Епархіи, существованіе съ 1824 года, когда прибылъ къ Вознесенскому храму въ селеніе Иллилюкъ, на о. Уналашкѣ, священникъ о. Іоаннъ Веняминовъ. До 1824 года посѣщали о. Уналашку и другіе алеутскіе острова миссіонеры и притомъ посѣщеніе такими миссіонерами о. Уналашки было временное и случайное. Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія, заимствованныя изъ церковной лѣтописи, составленной на основаніи архивныхъ данныхъ, — о крещеніи алеутовъ нынѣ Уналашкинскаго прихода и о первыхъ миссіонерахъ, временно и случайно, по пути, посѣщавшихъ острова Алеутскіе.

Жители алеутскихъ острововъ были язычники; начало крещенія ихъ восходитъ къ 1759 году, когда нѣкій мореходъ изъ Вологодской губерніи, Русскаго государства, Сольвыггодскаго уѣзда Стефанъ Гловъ, прибывшій на кораблѣ «Іуліанъ» на островъ Умнакъ для торговыхъ цѣлей отъ Московскаго кушца—Никифорова, возмѣлъ благое намѣреніе просвѣтити свѣтомъ Христовой вѣры чрезъ св. крещеніе алеутовъ, проживающихъ на семъ островѣ и въ селеніи Иллилюкъ, на о. Уналашкѣ. Послѣ морехода Глотова, положившаго начало крещенію Алеутовъ нынѣ Уналашкинскаго прихода, «многіе русскіе міряне продолжали таковое крещеніе Алеутовъ понемногу» до 1795 года, когда прибылъ изъ Кадьякской миссіи для миссіонерскихъ цѣлей іеромонахъ Макарій, который начиная съ Шумачинскихъ острововъ до четырехсопочныхъ (нынѣ сіи острова не имѣютъ селеній)—сподобилъ св. крещенія всѣхъ Алеутовъ дотолѣ бывшихъ некрещенными — въ теченіи 1795 года, а

въ 1796 году выбылъ, исполнивъ свое назначеніе, въ г. Иркутскъ. Въ 1792 году, до іеромонаха Макарія, заходилъ въ селеніе Иллилюкъ, на о. Уналашкѣ, на кораблѣ «Слава Россіи» съ экспедиціей якутскій священникъ о. Василій Сивцовъ, который и окрестилъ въ семь селеніи 92 души изъ Алеутовъ. Въ 1807 году іеромонахъ Гедеонъ, бывшій въ Кадыякской миссіи, по назначенію отъ Святѣйшаго Синода, шель изъ Кадыяка въ Охотскъ и въ Россію на кораблѣ «Нева» и на семь пути своемъ заходилъ на короткое время въ селеніе Иллилюкъ, о. Уналашки, гдѣ, подобно о. Василю Сіацову, успѣлъ огласить и сподобить св. крещенія нѣсколькихъ алеутовъ. Въ 1822 гаду на суднѣ «Благонамѣренный» священникъ, по имени Михаилъ, въ теченіи нѣсколькихъ дней, пока стояло судно на рейдѣ, просвѣтилъ св. крещеніемъ ближайшихъ къ селенію Иллилюкъ некрещенныхъ алеутовъ. Всѣ сии перечисленные временные и случайные миссіонеры: іеромонахъ Гедеонъ, священники о. Василій Сивцовъ и о. Михаилъ «совершали браки и прочія требы» въ мѣстахъ, въ кои они заходили на пути своемъ, но «не литургисали.»

Храмъ. Вознесенскій храмъ занимаетъ въ селеніи Иллилюкъ центральное мѣсто, довольно видное и приличное. Наружный видъ его продолговатый (длина 83 фута), съ двумя придѣлами по сѣверную и южную стороны храма: правый придѣлъ во имя преподобнаго Сергія, Радонежскаго Чудотворца, а лѣвый во имя Святителя, Иркутскаго чудотворца, Иннокентія.

Церковь во славу Вознесенія Господня, на о. Уналашкѣ—въ селеніи Иллилюкъ, воспріяла свое существованіе въ 1824 г., когда она была воздвигнута бывшей Россійской Американской Торговой Ко. вмѣсто и на мѣстѣ за великостію упраздненной, построенной той же Ко. въ 1808 году для просвѣщаемыхъ свѣтомъ Богодарованной вѣры Христовой алеутовъ—часовни во славу Вознесенія Господня. Въ 1858 году иждивеніемъ Россійской Ам. Тор. Ко. возсозданъ вмѣсто и на мѣстѣ пришедшаго въ ветхость, новый

храмъ деревянный (бревенчатый), каковой существовалъ до 1894 года мѣсяца Іюня во славу же Вознесенія Господня. Въ 1894 году съ мѣсяца Іюня по Октябрь созданъ опять вмѣсто и на мѣстѣ пришедшаго въ ветхость, новый храмъ съ двумя придѣлами по сторонамъ, тщаніемъ, усердіемъ и ревностію о славу Божіей мѣстныхъ прихожанъ, стоящій имъ свыше девяти тысячъ (9,000) долларовъ. Сей послѣдній во славу же Вознесенія Господня въ настоящее время и существуетъ, построенъ изъ досокъ (красное дерево) съ черепичной крышей, двумя куполами (надъ колокольней и серединой главнаго храма). Длина храма 83 фута, ширина 36 ф., длина праваго и лѣваго придѣловъ по 31 футовъ, ширина по 20 ф., высота по 13 ф., а высота въ главномъ храмѣ 23 ч.; высота колокольни 52 фута.

Правый придѣлъ освященъ 1894 г. 4-го Сентября, лѣвый 1895 г. 30 Января, а главный храмъ 1896 года Августа 18 дня всѣ престолы освящены по чину священническому съ благословенія Преосвященнаго Николая, Епископа Алеутскаго и Аляскинскаго. Для главнаго храма приобрѣтены въ иконостасъ иконы на полотнѣ, стоящія 535 долларовъ. Въ память священнаго Вѣнчанія на Царство Государя Всероссійскаго Николая II (1896 г. 14 Мая), въ знакъ молитвенной всегдашней памяти о Богомъ вѣнчанныхъ Государяхъ Императорахъ Всероссийскихъ, въ чувствѣ глубокой признательности за заботы, коими исполнена благочестивая Православная душа Россійскихъ Государей, о спасеніи душъ человѣческихъ, не только состоящихъ въ гражданскомъ подданствѣ сихъ Государей, но и всѣхъ разсѣянныхъ по всему лицу Божіяго міра, благодарные прихожане Уналашкинскаго прихода изъявили желаніе приобрѣсти иконы на полотнѣ для втораго яруса въ иконостасѣ главнаго храма съ тѣмъ, чтобы въ числѣ иконъ была такая, которая бы изображала Св. Николая Чудотворца и Св. царицу Александру, небесныхъ патрочовъ Государя и Государыни Всероссийскихъ, нынѣ благополучно

царствующихъ; предъ сей иконой за каждой службой будетъ теплился лампада, елей для которой будетъ всегда пріобрѣтаться прихожанами.

Есть при церкви икона „Преображеніе Господне“ на доскѣ, обложена кругомъ сребропозлащеннымъ окладомъ (7х6 вершковъ) присланная въ благословеніе Митрополитомъ Иннокентіемъ съ собственноручною надписью отъ 1870 г. Юня 27 дня.

Имущества церковнаго по описи, учиненной въ 1896 г., состоятъ на 18.316 дол. и 81½ цента. Въ хозяйственномъ Управленіи, при Святейшемъ Синодѣ находится суммъ церковныхъ 1185 дол. и 59 ц. и суммъ часовенныхъ 907. д. 93 ц. всего 2093 дол. и 52 цент.

При церкви есть архіерейская, на освященіе перваго храма (1824 г.) грамота, данная Епископомъ Михаиломъ, Иркутскимъ, Нерчинскимъ и Якутскимъ, священнику Іоанну Веніамипову. На сей грамотѣ есть помѣтка объ освященіи всѣхъ послѣдующихъ за первымъ храмовъ.

Уналашкинскій храмъ изобилуетъ всякимъ имуществомъ потребнымъ для храма.

Изнутри и снаружи храмъ выкрашенъ бѣлой масляною краскою; въ главномъ храмѣ есть хоры надъ входомъ во храмъ. Кругомъ храмъ обнесенъ деревянной оградой.

При входѣ на паперть храма съ сѣверной стороны покоится тѣло усопшаго Преосвященнаго Нестора, Епископа Алеутскаго и Аляскинскаго, подъ мраморнымъ, стоящимъ долларовъ 400, памятникомъ, каковый воздвигла Преосвященному А. Т. Ко. Въ лѣтописи церковной говорится, между прочимъ, о смерти епископа Нестора такъ: «Второе посѣщеніе сей церкви епископомъ Несторомъ было въ 1882 году на пароходѣ А. Т. Ко. „Санъ Полъ“ въ Май мѣсяцѣ; съ Уналашки ушелъ епископъ Несторъ на Прибыловы острова и въ Михайловскій редутъ. — Возвращаясь изъ Михайловскаго редута въ Уналашку на пароходѣ „Санъ Полъ“ Преосвященный Несторъ нечаянно утонулъ около Михайловскаго редута 1882 г. 30 Юня. 1883г. Юля

3 дня на пароходѣ „Санъ Полъ“ А. Т. Ко. привезено было тѣло почившаго епископа Нестора изъ Михайловскаго редута. Чинъ погребенія совершенъ священниками съ о. св Павла, о. Павломъ Шаяшниковымъ и съ св. Георгія о. Лестеньковымъ 1883 г. Юля 4 дня. Тѣло усопшаго погребено у входа во храмъ, съ сѣверной стороны, по желанію, неоднократно выраженному, самого почившаго епископа Нестора. Надъ могилой поставленъ А. Т. Ко. памятникъ изъ мрамора — съ русскою и англійскою надписями, которая гласитъ о времени рожденія, первоначальномъ званіи и днѣ смерти Преосвященнаго Нестора.“ Другой памятникъ также мраморный и поставленный тойже А. Т. Ко. надъ могилой священника о. Иннокентія Шаяшникова, умершаго въ 1883 г. 12 Апрѣля, размѣра гораздо меньшаго, чѣмъ первый; находится онъ на восточной сторонѣ храма, по сѣверную сторону главнаго алтаря храма.

Недвижимое имущество церкви составляетъ дома церковные и земля, уступленная Американскимъ Правительствомъ подъ церковь при передачѣ Аляски Русскимъ Правительствомъ первому. Документъ на право владѣнія землею, въ размѣрѣ въ длину 518 ф., въ ширину 322 ф., хранится на англійскомъ и русскомъ языкахъ за подписью комиссара русскаго А. Пещурова.

Церковныхъ домовъ, построенныхъ на средства епархіальныя, четыре (одинъ для священника—въ 1880 г., школа 1882 г., учительскій домикъ 1882 г., кухня и столовая приходская при школѣ въ 1895 г. всѣ они деревянные), — стоимость сихъ домовъ по описи равна 11300 долларовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ жизни Общества и Братствъ.

Хорватское Дружество Св. Саввы Сербскаго.

Спѣшимъ подѣлиться съ членами на шего Общества слѣдующей приятной вѣстью полученной отъ настоятеля Аллегенской церкви благочиннаго

Іоанна Недзельницкаго.

Сего 15-27 Іюня мною заможено въ городѣ Мк-Киспортъ, Па. «Хорватское Православное Дружество (братство) св. Саввы Сербскаго.» 67 членовъ вписалось сразу въ члены Общества Взаимспомощи. Всѣ эти 67 братчиковъ исповѣданія православнаго, но ходили до послѣдняго 1897 г. за требами въ церковь униатскую на Дукенъ (Duquesne). На это обстоятельство было обращено мною вниманіе и, послѣ долгихъ стараній, мнѣ, наконецъ, удалось отвлечь православныхъ Хорватовъ въ Мк-Киспортъ отъ хожденія по униатскимъ церквамъ и пріучить ихъ обращаться за требами въ церковь православную въ Аллегени. Какъ это я побуждалъ ихъ къ хожденію въ православную церковь и какъ подготовлялось дѣло къ закладкѣ среди Хорватовъ православнаго хорватскаго дружества св. Саввы, писать подробно не стану: это исторія длинная. Теперь могу сказать то, что Богъ не оставляетъ трудовъ православныхъ миссіонеровъ въ Америкѣ безъ плодовъ, и я надѣюсь, что если въ другихъ приходахъ православныхъ въ Америкѣ не закладываются такъ скоро православныя братства среди русскихъ и австрійскихъ славянъ, такъ это еще не доказываетъ того, что наши священники ничего не дѣлаютъ, а показываетъ только то, что плоды ихъ трудовъ явятся днемъ-двумя позже. Въ Мк-Киспортѣ въ

короткое время «дружество будетъ имѣть болѣе ста членовъ потому, что въ этомъ городѣ проживаетъ болѣе 150 хорватовъ православныхъ, да кромѣ того и униаты русины (конечно нѣкоторые) заявили мнѣ о своемъ желаніи перейти въ православіе и записаться въ Мк Киспортское братство.

15-27 Іюня въ воскресенье мною была отслужена вечерня и акакистъ Покрову Богоматери въ Мк-Киспортѣ, затѣмъ я обратился съ рѣчью къ Хорватамъ о томъ, чтобы они крѣпко держались православія и чтобы знакомили со статуями нашего «Прав. Общества» и другихъ Хорватовъ, проживающихъ въ другихъ городахъ Америки; говорилъ имъ и о томъ, какое доброе послѣдствіе принесетъ имъ хорватамъ единеніе съ нами по одному «Обществу Взаимспомощи» и ихъ участіе въ приходской жизни нашихъ русскихъ православныхъ приходовъ. Все это, говорилъ я, охранить васъ, Хорватовъ, отъ вліянія католиковъ. За довѣріе Мк-Киспортскихъ хорватовъ ко мнѣ — русскому священнику, я благодарилъ всѣхъ Хорватовъ, собравшихся въ большомъ количествѣ на zaloженіе «дружества», благодарилъ ихъ за приглашеніе меня быть главнымъ надзирателемъ и руководителемъ ихъ «дружества» и провозгласилъ въ концѣ своей рѣчи: СЛАВА ХОРВАТАМЪ БРАТЬЯМЪ!

Богослуженіе и рѣчь произвели сильное впечатлѣніе на Хорватовъ. Когда былъ составленъ списокъ братчиковъ и произведенъ выборъ чиновниковъ, всѣ братчики Мк-Киспортскіе были приведены мною къ присягѣ. Большою толпою они проводили меня уже поздно на вокзалъ желѣзной дороги“...

СПИСОКЪ БРАТЧИКОВЪ „ХОРВАТСКАГО ПРАВОСЛАВНАГО ДРУЖЕСТВА (БРАТСТВА) СВ. САВВЫ СЕРБСКАГО

— ВЪ —
МС-KEESPORT, PA.

Раде Степановичъ, Юрій Косановичъ, Ди-

митрій Косановичъ, Илія Косановичъ, Георгій Мервошъ, Оома Моссулинъ, Илія Косаковичъ 2., Миланъ Косановичъ, Миланъ Торбовичъ, Раде Мервошъ, Раде Гвоздинъ, Георгій Моссулинъ, Петръ Верлиничъ, Симо Моссулинъ, Раде Мамула 1-й, Илія Вуйковичъ, Степанъ Мамула, Раде Мамула 2-й, Мануилъ Мервошъ, Николай Мамула, Оеодоръ Вуйковичъ Маркъ Мамула, Лазарь Мервошъ, Раде Степановичъ 2 й, Мануилъ Ивковичъ, Радѣ Маровичъ, Николай Мунесъ, Стефанъ Мервошъ, Іованъ Ивковичъ, Божо Вышничъ, Іованъ Стояновичъ, Раде Вуйковичъ, Оеодоръ Мамула, Раде Бордичъ, Оеодоръ Вышничъ, Петръ Вышничъ, Николай Перичъ, Іованъ Моссулинъ, Божо Торбовичъ, Николай Мервошъ, Лука Ивковичъ, Николай Вуйновичъ, Іованъ Мервошъ, Маркъ Маровичъ, Раде Моссулинъ 2-й, Іоаннъ Матуркиничъ, Раде Моссулинъ, Іосифъ Стояновичъ, Божо Косановичъ 1-й, Божо Косановичъ 2-й, Оеодоръ Моссулинъ, Петръ Вигневичъ, Оеодоръ Мервошъ, Николай Павловичъ, Раде Продановичъ, Божо Юрьевичъ, Георгій Кушичъ, Петръ Лаличъ, Симо Кушичъ, Симеонъ Косановичъ, Миланъ Степановичъ, Маркъ Мамула 2-й, Николай Маровичъ, Николай Дивичъ, Георгій Лончаръ, Стоянъ Кушичъ, Симо Бусичъ.

Предсѣдателемъ братства избранъ Николай Моровичъ. Подпредсѣдателемъ Раде Степановичъ второй. Письмоводителемъ: Николай Павловичъ. Кассиромъ: Симеонъ Моссулинъ. Финансовымъ секретаремъ: Георгій Косановичъ. Надзирателями больныхъ Кушичъ 1-й, Петръ Вигневичъ и Илія Косановичъ. Контролерами. Божо Косановичъ и Раде Мамула.

— Въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы доставить нововступившему братству возможность имѣть статуи на своемъ языкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы облегчить путь ко вступленію въ наше Общество другихъ братствъ, говорящихъ на сербскомъ нарѣчій, Правленіе обратилось къ Его Преосвященству Преосвященнѣйшему Николаю съ просьбой поручить дѣло перевода статутовъ на это нарѣчіе соборному въ С.-Фран-

циско іеромонаху Севастьяну Дабовичу, который, какъ сербъ по происхожденію, можетъ выполнить эту задачу въ совершенствѣ.

* * *

Кромѣ «хорватского дружества» послѣ Конвенціи вступили въ Общество еще слѣдующія Братства.

1) Братство Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра въ Аллегени. Въ составѣ Общества уже числится одно Аллегено-Питтсбургское братство, въ которомъ находится свыше ста членовъ. Но именно это обстоятельство (большое количество членовъ въ одномъ братствѣ) и послужило главнымъ мотивомъ къ основанію новаго православнаго братства въ томъ же приходѣ. Братство Свв. Петра и Павла въ Аллегени не могло уже принимать болѣе членовъ, такъ какъ и при нынѣшнемъ количествѣ ихъ митинги дѣлятся по 6—7 часовъ кряду: то возносятъ братчики посмертное, то мѣсячное, то обсуждаютъ свои нужды и т. д. Все это требуетъ не мало времени и очень утомительно для всѣхъ, особенно же для секретаря братства, на обязанности котораго лежитъ канцелярская сторона дѣла. Всѣхъ членовъ въ новооснованномъ братствѣ 17.

Кодратъ Криницкій, Николай Куримскій, Андрей Збиглей, Илія Чегеникъ, Димитрій Вахновскій, Іоаннъ Баницкій-Романъ, Григорій Танчинъ, Стефанъ Курилко, Игнатій Митерко, Стефанъ Куземка, Григорій Куземко, Григорій Коханикъ, Симеонъ Лешеникъ, Георгій А. Коханикъ предсѣдатель, Верцѣй, Федоръ Дуничъ, Андрей Курашъ и Павель Зубко.

2) Братство Св. Іоанна Крестителя въ Юнкерсѣ.

Въ этомъ братствѣ пока только 8 членовъ. Принято оно въ составъ Общества Взаимопомощи несмотря на малое количество членовъ потому, что члены его и ранѣе были прихожанами православныхъ церквей въ разныхъ мѣстахъ Пенсильваніи, и членами мѣстныхъ братствъ, прибыли же въ Юнкерсѣ въ поискахъ работы. Съ пе-

реходомъ въ Юнкерсъ — исполнять повинности по отношенію къ прежнимъ братствамъ являлось для нихъ затруднительнымъ и потому они заложили здѣсь свое братство. За требами они обращаются въ Нью-Йоркскую русскую православную церковь, какъ ближайшую. Предсѣдатель Братства — Петръ Шиманскій, Вице пред-

сѣдатель—Юрій Федакъ, Кассиръ—Иванъ Гоць, помощникъ кассира—Федоръ Шиманскій, Секретарь — Симоонъ Косарь. Остальные члены: Яковъ Курила, Григорій Бобакъ, Кипріянь Козарь. Митинги бывають въ первую субботу каждаго мѣсяца.

Русская Колонія.

На разстояніи 60-ти миль пути къ востоку отъ городовъ St. Paul-а и Minneapolis-а, Minn., въ богатой и красивой мѣстности съ хорошимъ строевымъ лѣсомъ и здоровою водою, заложена Русская Колонія. Земля тамъ богата черноземомъ съ умѣренной волнистою поверхностью и желѣзными дорогами; весьма удобно соединена съ различными великими и промышленными городами. Семьи, живущія тамъ, удовлетворены въ своихъ желаніяхъ и этотъ фактъ говоритъ въ пользу мѣстности. Цѣны на землю отъ 6-ти до 7-ми долларовъ за акръ съ съ разверсткою платы на очень продолжительные сроки, притомъ на выгодныхъ условіяхъ. 40 акровъ земли уже подарено для Православной Русской церкви въ штатѣ Висконсинъ, County of Barron въ секціи 5, и у Преосвященнаго Николая Епископа Алеутскаго и Аляскинскаго находятся даestвенная записъ (deed) документъ, свидѣтельствующій о чистомъ правѣ на владѣніе этой землею (Abstract of Title). Она была подарена Г. Ловбаеромъ при посредствѣ Ивана Огничя, который состоитъ его агентомъ въ этой Колоніи.

За предварительными свѣдѣніями (справками) должно обращаться къ Ивану Огничю по адресу:

*John Ohnick,
140 Mill Str.
Minneapolis, Minn.*

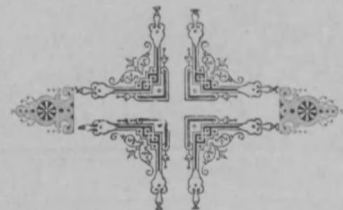
A Russian Colony.

About 60 miles east of of the cities of St. Paul and Minneapolis State of Minnesota, a fine location, well supplied with good timber and pure water, a Russian Colony has just been started. The soil is rich, in great part black-mould; the land has a gently rolling surface and abounds in railroad facilities connecting the place with great industrial cities. The families now living there are well satisfied in all their needs, and this fact speaks well for the locality. The price of land ranges from \$6 to 7.00 per acre, on instalment and on very easy terms.

40 acre of land have been donated for the Greco-Russian Orthodox Church in the State of Wisconsin, Barron County, Section 5, and Bishop Nicholas holds the deed and the abstract of title to this land. It was donated by H. Lohrbauer through John Ohnick, who acts as his agent in the colony.

For further information apply to the same, addressing as follows:

*John Ohnick,
140 Mill Street
Minneapolis, Minnesota.*

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на

“Православный Американскій Вѣстникъ”

(Органъ Православной Американской Миссии).

БОЛѢ ВАЖНЫЯ И СУЩЕСТВЕННЫЯ СТАТЬИ ПЕЧАТАЮТСЯ ВЪ ДВА ТЕКСТА—
РУССКІЙ И АНГЛІЙСКІЙ—ПАРАЛЛЕЛЬНО.

Журналъ выходитъ дважды въ мѣсяць,— каждаго 1-го и 15-го числа.

Подписная цѣна на годъ: въ Америкѣ три доллара; въ Россію шесть рубл. съ пересылкой.

Подписка принимается— въ Америкѣ:

AMERICA, NEW YORK, CITY. 323 SECOND AVENUE, REV. ALEXANDER HOTOVITZKY

Въ Россіи: С.-Петербургъ. Редакція «Церковнаго Вѣстника»—для перевода въ Нью-Йоркъ.

Статьи и корреспонденціи направляются исключительно по первому адресу.

Новая Книга:

ПРОПОВѢДИ

Преосвященнаго НИКОЛАЯ, Епископа Алеутскаго и Аляскайскаго.

Нью-Йоркъ 1897 г.

Складъ изданія:

Въ Аляскинскомъ Духовномъ Правленіи

Russian Consistory 1715 Powell Str.

SAN-FRANCISCO, CAL.

и въ РЕДАКЦІИ

«Американскаго Православнаго Вѣстника»

323 2-d Ave, New York.

Цѣна книгъ:

на простой бумагѣ 75 цен = 1 р. 50 к.

на лучшей бумагѣ 1 долл. = 2 руб.

Въ конторѣ редакціи

Правосл. Америк. Вѣстника“

имѣются для продажи слѣдующія

ИЗДАНІЯ.

ТРИДЦАТЬ РЪЧЕЙ И ТРИ ПОСЛАНИЯ

Преосвященнаго НИКОЛАЯ,

Епископа Алеутскаго и Аляскайскаго.

1896 г. Г. Нью-Йоркъ.

Цѣна съ пересылкой 75 центовъ. 1 руб. 50 к.

На лучшей бумагѣ — 1 долл. 2 рубля.

CORRESPONDENCE

- on -

INFALLABILITY

between a Father JESUIT

and General ALEXANDER

KIREEFF - an Eastern Orthodox.

Н. у. 1896. pp. 20 с. 40 копѣекъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Притча.— Возможна ли нравственная жизнь безъ христіанской религіи? Арх. Антонія.— Изъ книги «Моск. Сборникъ» — Историческое описаніе Уналашкинскаго Вознесенскаго прихода.— Изъ жизни Общества и Братствъ.— Русская Колонія.

Редакторъ. Свяш. А. Хотовицкій

Печатать разрѣшается.

Цензоръ, Архимандритъ Рафаилъ.